Шапочка у Наташи была белая, вязанная из кроличьего пуха, мягкая и тёплая. Вязаные завязки, как косички, тянулись с двух сторон шапочки, с шариками на концах. Если их завязать под подбородком, то нигде не поддувает, и шарф не нужен. Завяжешь – личико округлится в белом обрамлении, щёчки выступают в стороны, торчит носик-пуговка, блестят серые глазки-бусинки. Но можно и не завязывать. Наташа любила за эти косички держаться и играть ими, подбрасывать шарики, она называла их помпончиками.

На белую шапочку прикалывалась брошка – янтарный жучок из двух медово-жёлтых шариков – брюшко и головка. У жучка были также ножки из жёлтых проволочек, красиво изогнутые, по три с каждой стороны. Эти ножки особенно занимали Наташу. Шапочка лежала с другими вещами на гардеробе в прихожей. Наташа доставала шапочку и уединялась с нею. Сначала она просто любовалась жучком, ровной красивой изогнутостью его ножек, осторожно трогала их, и они шевелились. Она передвигала ножки жучка вперёд-назад, представляя, что он бегает. Потом она стала выпрямлять ножки и загибать их, стараясь вернуть им красивую форму. Но это было не так просто: они упрямились, не выгибались, как надо, не выпрямлялись. Наташе не нравились результаты её стараний, она выгибала их снова и снова.

И вдруг проволочка надломилась, и ножка жучка отломилась.

Наташа испугалась, побежала в прихожую, вернула шапку обратно на гардероб, спрятав её в других своих вещах. А отломившуюся ножку забросила под кровать.

На следующий день Наташа ходила гулять с бабушкой, в детский сад она не ходила, так как бабушка считала, что это вредно для ребёнка – в детском саду дети только простужаются, а воспитателям этого и надо, чтобы за меньшим числом детей следить. На отсутствие ножки у жучка никто не обратил внимания, а Наташа молчала. Дома она не удержалась, утащила шапочку из прихожей, когда никто не видел – бабушка была на кухне, а дедушка смотрел телевизор. Наташа с грустью рассматривала жучка без передней ножки. И снова принялась перегибать ножки, разгибала их и загибала – может быть, всё же удастся вернуть им прежнюю форму. И тут – ой! – ножка жучка опять отломилась. Наташа забросила и её под кровать, а шапку вернула на гардероб.

Вечером она снова взяла шапочку к себе в комнату и стала с азартом перегибать следующую ножку, пока она не отломилась. Убедившись, что ножки легко отламываются, Наташа вернула шапочку на место.

Потом наступила суббота, и родители были дома.

– Что, Наташкин, пойдём гулять?– спросил её папа после завтрака.

– Пойдём!– радостно закивала Наташа.

Она обожала гулять с папой, он водил её в новые места, покупал ей, что она просила.

Они с папой были одни в прихожей, заканчивали одеваться, Наташа показала папе свою шапочку, пожаловалась тихо:

– У меня у жучка ножки отломались.

– Да,– рассматривая жучка, согласился папа,– нехорошо както.

Наташа натянула шапку на голову, сказала папе шёпотом:

– Надо нового купить. Пойдём, я тебе покажу.

– Ну, пойдём,– рассмеялся папа.

Наташа обрадовалась и повела папу через проходной соседний двор, правда, под аркой там постоянно толкались мужики, поскольку в доме с другой стороны была пивнушка. Но они обычно толкались в обеденный перерыв в рабочие дни. Отстояв в очереди за кружкой пива, они распределялись по площади между домом и оградой школьного стадиона, располагались группками под деревьями. Бабушка их терпеть не могла, алкашей этих, ей нужно было мимо них идти в магазины.

Наташа вела папу за дом с пивнушкой, – алкашей сегодня было немного, – дальше к дому напротив, ко входу «Три ступеньки вниз», как говорила бабушка. А там внизу, если спуститься по этим ступенькам, располагался чудесный мир под названием «Промтовары». Это был длинный зал, ярко освещённый и заполненный людьми и по обеим сторонам заставленный прилавками. Прилавки и стеллажи были заняты разными вещами. И запах там стоял совсем необычный и ни на что не похожий, новыми вещами так пахло, наверное. Одежда Наташу не интересовала, ей больше нравились всякие флакончики, упаковочки и другие яркие непонятные мелочи. Самый интересный отдел находился сразу у входа, в закутке за дверью. Там на витрине под стеклом было разложено множество неизвестных Наташе удивительных предметов, которые она могла рассматривать часами, даже не зная и не пытаясь понять их назначение. Они были металлические и пластмассовые, тонкие, острые, завивающиеся, скрытые в футлярчиках. Из них только ножницы были знакомы Наташе. Под ними располагались бумажки-ценники, где на синих линиях и в рамочках были прописаны названия предметов и их цена, но эти иероглифы были непонятны Наташе. Рядом были разложены овалами разноцветные бусики: алые шарики, жёлтенькие пирамидки, зелёненькие леденцы. Но мама сказала про бусы, что они ненастоящие.

И среди этих замечательных вещей лежал жёлтый янтарный жучок. Наташа подвела к витрине папу и показала пальцем на жучка:

– Вот он, вот он, смотри!

– Вижу, – ответил, улыбаясь, папа.

На реплику тёти-продавщицы: «У тебя же есть такой», папа ответил также с улыбкой, что надо нового жучка купить. Обратился к Наташе, которая завороженно рассматривала витрину:

– Пошли пробьём в кассе.

Наташа любила также отдел для шитья: там на большой картонный лист были прикреплены рядами пуговицы, разноцветные, большие и маленькие. Картон с пуговицами стоял на прилавке, в стороне от огромных пёстрых рулонов тканей, прислонённый к стеллажу, его можно было брать в руки, трогать пальцами пуговицы, рассматривать со всех сторон. Наташа смотрела на пуговицы (до них ей было не дотянуться, поэтому оставалось только смотреть) и выбирала: вот такую бы мне, синюю, и такую, длинненькую.

Они с папой подошли ещё к отделу парфюмерии, Наташа прилипла к витрине, стала рассматривать яркие вещицы, папа пошёл в кассу пробивать чек.

Они шли из магазина, в кармане у Наташи в бумажке лежал новый жучок, она осторожно сжимала его в кулаке, решив прицепить его на шапку, когда они придут домой.

У овощного магазина они встретили бабушку и маму с сумками. Папа, забрав у них сумки, сказал, что они были в «Промтоварах», купили зубную пасту (про жучка они договорились не рассказывать), болгарскую, под красивыми названиями «Мэри» и «Поморин».

– Ах, Мэри, Мэри, Мэри, как трудно жить в Эс-Эс-Эс-Эре! – продекламировал весело папа.

– Ты что такое говоришь, – улыбаясь, заметила мама,– хочешь, чтобы тебя посадили?

Они понесли все вместе сумки домой, Наташа шла сзади и размышляла в изумлении, почему за такой стишок могут посадить. Что такое Эс-Эс-Эс-Эр, Наташа знала. Но кто такая была Мэри, которой кто-то жаловался, как ему тут трудно жить, – это была загадка. Наташа представила себе, как в далёкой чужой стране сидит белокурая Мэри и читает письмо, в котором ей кто-то жалуется. Как он только сюда попал? Шпион, что ли?

Навстречу им попалась знакомая бабка из соседней парадной, она быстро поздоровалась и прошла мимо. В прошлый раз она долго разговаривала с бабушкой, когда они встретились во дворе, расспрашивала, почему Наташа не ходит в садик. Бабушка высказала тогда своё мнение, что дети только болеют в садике, а эта бабка была с ней не согласна, её внуки ходили в садик. Потом бабка наклонилась к Наташе и каким-то притворным голосом спросила, что Наташа любит делать с бабушкой дома. Наташа ей ответила с выражением:

– Лягушат душить, петушат потрошить!

Это ей недавно дедушка читал «Теремок».

Бабка ничего не ответила, выпрямилась и отвернулась от Наташи.

Они поднимались по лестнице на третий этаж, лифт в их доме не был предусмотрен, Наташа держалась за руку мамы. Касаться перил ей было строго запрещено: в их подъезде жил туберкулёзный больной, и, по рассказам бабушки,

его замечали за тем, что он плевал на перила – чтобы и другие заразились. После строгих внушений бабушки и мамы Наташа перил боялась, как огня.

Дома Наташа пристегнула нового жучка на шапку (управляться с такими заколками-иголками она научилась на дедушкиных значках, главное было – не уколоть пальцы), полюбовалась им, положила шапку на место. Старого жучка она убрала в свой шкафчик с игрушками, в самый дальний угол, отломив перед тем оставшиеся ножки.

Наташа гордо ходила гулять с новым жучком. Снимая шапочку, она любовалась им и оставляла на гардеробе.

Через несколько дней она начала аккуратно трогать ножки жучка, наблюдая, как они шевелятся. Она передвигала их туда-сюда, представляла, что жучок бегает. Вскоре она снова разгибала ножки жучка и пыталась загнуть их в прежнюю форму.